

О.В. СКОБЁЛКИНА

И.В. Сталин в оценках американских государственных деятелей и дипломатов,

1944-1945 гг.

Жизнь и деятельность государственных лидеров традиционно являются объектом пристального внимания исследователей. В этом ряду имя И.В. Сталина стоит особняком. Его особое место в истории определяется не только множеством загадок режима, созданного им и существующих и сегодня, но и тем, что именно с ним многие современники и потомки связывали два важнейших события в мировой истории – победу над фашизмом и начало «холодной войны». Интерес как отечественных, так и зарубежных историков к личности Сталина не иссякает и по сей день: настолько противоречивым и судьбоносным видится «отец народов», а основы этих дискуссий были заложены ещё при его жизни. Следовательно, анализ оценок государственных деятелей и дипломатов США в конце Второй мировой войны не только позволит выявить существование того или иного образа как факта общественного сознания, но и поможет спроецировать воздействие этих образов, сформированных в 1944-1945 гг., на послевоенную американскую политику и историографию.

К 1944 г. в системе международных отношений сложилась совершенно новая расстановка сил. Главным фактором этих изменений было возрастание мощи и авторитета СССР, что заставляло и сторонников, и противников Москвы пытаться понять причины стремительного возвышения и влияния советского руководителя на мировые процессы. Сталин становился символом советской победы над фашизмом, освобождения оккупированных Германией европейских стран. В свою очередь, рост его авторитета был равнозначен укреплению международных позиций Советского Союза.

Общественность Соединённых Штатов признавала безусловное единоличное лидерство Сталина во всех сферах жизни Советского Союза. По словам американского журналиста Эдгара Сноу, Сталин являлся в своём роде национальным символом [1]. Логично, что подобные оценки советского лидера со стороны иностранных обозревателей и обусловили персонификацию всего советского курса. Особое отношение к личности Сталина, следовательно, было связано с тем, что, как пишет известный историк Дж. Гэддис, к концу войны большинство американских лидеров пребывало в уверенности относительно диспозиционного поведения Сталина, которое «отражает глубоко внедрённые личные характеристики, остающиеся неизменными от обстоятельств» [2]. Таким образом,

американцы проецировали личные качества Сталина на весь внутри- и внешнеполитический курс страны.

Даже если какое-либо действие Советского Союза претворялось в жизнь посредством другого лица, для американцев не было секретом авторство или по крайней мере требуемое сталинское одобрение той или иной советской акции. Само поведение Сталина, в свою очередь, виделось «синонимичным советской политике» [3].

В Соединённых Штатах не без основания считали, что разгадать феномен Сталина – значит понять, в чём колоссальная сила сопротивления Советского Союза армии Германии, опиравшейся на военный и экономический потенциал почти всей Европы. Один из вариантов ответов на этот вопрос представил Д. Дэвис, отмечавший, что советская сила – это результат «решительного, смелого, безжалостного и умелого лидерства Сталина» [4].

Таким образом, важно отметить, что в американском общественном мнении того периода не было различий в отношении масштабов влияния Сталина на советскую и мировую историю; однако имелся достаточно серьёзный плюрализм мнений в оценках значения и содержания его деятельности. Здесь парадоксально следующее: особенностью американского восприятия Сталина в 1944–1945 гг. являлось то, что образ советского лидера как истинного сына своего отечества, патриота мира, друга славянских народов, тонко чувствующего требования времени, характерный для 1942-1943 гг., фактически исчез с общественной сцены США. Положительная оценка Сталина во всех его аспектах – явление крайне редкое для этого периода. Гражданские добродетели Сталина отошли на второй план, а общая тональность образа стала более реалистичной. Уже к началу 1945 г., как красноречиво и точно отметил Ч. Александер, сотрудник университета Огайо, «в статьях, посвящённых Сталину, все приятные «родственные» черты почти исчезли – теперь акцент делался на его железной воле, наполненной борьбой биографии, на его абсолютной власти над советской государственной системой. На смену «дядюшке» выходил мрачный, безжалостный тиран, каким будут видеть Сталина американцы на протяжении начального этапа «холодной войны» [5]. Кропотливая работа по созданию положительного образа Сталина, таким образом, была практически сведена на нет общим ходом событий и опасениями перед возможной грядущей конфронтацией, наступление которой связывалось с его именем.

В этом отношении можно выделить две модели образа, сформированные в восприятии американцев на завершающем этапе Второй мировой войны.

Последователи первой выделяли в личности Сталина две стороны: позитивные характеристики получили его выдающиеся личностные и государственно-политические качества, однако далеко не все его решения,

акции и поступки являлись безукоризненными с точки зрения общественной морали, западных этических норм, перспектив международного сотрудничества, союзнического партнерства и военного братства [6].

«Русский медведь» – вот наиболее часто употребляемая в кулуарах характеристика Сталина в рамках этой модели образа, что было связано с резким тоном советского лидера в области внешней политики.

Наибольшее распространение этот образ получил среди представителей американской администрации, главным образом тех людей, которые имели возможность лицезреть советского лидера и непосредственно с ним общаться. На Западе ни для кого не было секретом, что диктаторские полномочия Сталина были фактически безграничны. Вот почему государственные лидеры США уделяли личным контактам первостепенное значение. Каждый из этих высокопоставленных наблюдателей имел право претендовать на верность собственных представлений.

Всё, что было связано со Сталиным, находилось в центре внимания американских политических деятелей. Дж. Кеннан дал ему следующую характеристику: «Смелый, но осторожный, легко впадающий в гнев и подозрительность, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей. Способный действовать с большой решительностью или выжидательно и скрытно – в зависимости от обстоятельств, внешне скромный и простой, но ревниво относящийся к престижу и достоинству государства... принципиальный и беспощадно реалистичный в своих требованиях в отношении лояльности, уважения и подчинения. Остро и несентиментально изучающий людей – он мог быть, как настоящий грузинский герой, большим и хорошим другом или непримиримым, опасным врагом. Для него трудно было быть где-то посередине между тем и другим» [7]. Вполне очевидно, что оценка Кеннана могла быть применена не только к Сталину, но и многим видным политическим деятелям; очевидно, тем самым автор приравнивает советского лидера к плеяде великих политиков.

Аверелл Гарриман выделял в характере Сталина тёмную и светлую стороны. «Те, кто не видел его лично, считали Сталина обыкновенным тираном. Я же видел и другие его качества – развитый ум, фантастическую способность схватывать детали, проницательность, удивительную человеческую чувствительность, которую он был в состоянии продемонстрировать, по крайней мере во время войны... В то же время он был, конечно, кровавым тираном. Я должен признаться, что для меня Сталин остаётся наиболее непостижимым и противоречивым характером из всех, какие я знал» [8].

Кордел Хэлл в своих воспоминаниях писал: «Любой американец, имеющий такие личные качества и умение вести беседу, мог бы вполне достичь высокого государственного поста в США» [9].

Тем, кто встречался со Сталиным, импонировали его прямота, умение выделить главный аспект любой проблемы, о которой шла речь, объективная оценка им практически любого вопроса. Вместе с тем он был непоколебим, когда речь шла о принципиальных вопросах, затрагивающих национальные интересы СССР. Поэтому многие американцы, встречавшиеся со Сталиным во время войны, отмечали твёрдость и в то же время разумность его поведения, формулируя тем самым довольно положительную оценку. «Он жёсткий, но очень реалистичный политик» [10], – говорил о нем государственный секретарь Эдвард Стеттиниус. «Сталин спокойный человек. Он... более проникательный и расчётливый, чем мне представлялось раньше» [11], – такое наблюдение сделал С. Роземан.

В начале 1944 г. Уэнделл Уиллки, кандидат на пост президента в 1940 г., оценивая пристальный интерес к персоне Сталина, сделал весьма справедливый вывод: «Сталин привлек к себе всеобщее внимание, превратившись в самого могущественного государственного деятеля в международной политике» [12].

По словам Элеоноры Рузвельт, её мужу действительно нравился Сталин сам по себе, и когда это чувство симпатии у него окончательно оформилось, он стал считать, что невозможное может всё-таки произойти, то есть на советского руководителя можно будет положиться [13]. «Человек, высеченный из гранита» [14], – таково первое впечатление Рузвельта от Сталина. Среди выдающихся личностных качеств президент оценил в советском лидере прежде всего умение быстро улавливать суть сложных проблем и тонкий юмор.

Оценивая отношение президента к Сталину, американский историк Эдвард Беннетт указывает, что Рузвельт «оптимистично оценивал Сталина как обыкновенного прагматичного политического деятеля, с которым он мог иметь дело по вопросам очевидного взаимного интереса; однако были и другие случаи, когда он рассматривал Сталина как фигуру зловещую, непостижимую и окольную» [15]. Эти слова американского историка подкрепляются и высказываниями самого президента. С одной стороны, Рузвельт признавался, что ему легче вести дела со Сталиным, чем с У. Черчиллем: «Могу сказать, что я великолепно поладил с маршалом Сталиным. Это человек, в котором огромная, не знающая усталости решимость сочетается с добрым в своей основе нравом. Я полагаю, что Сталин воистину воплощает в себе душу и сердце России...» [16]. Однако, несмотря на восхищение Рузвельта Сталиным, способность увидеть его положительные стороны – «умение советского лидера быть прекрасным собеседником и хлебосольным хозяином» [17], президент США отмечал и

его негативные качества – недоверчивость («Это был человек с большой подозрительностью» [18]), а также определённые трудности в общении с ним («Дядюшка Джо более резок и твёрд, чем я думал...» [19]).

Говоря о политических аспектах взаимоотношений лидеров двух стран, следует отметить мнение Роберта Даллека, который утверждал, что президент надеялся на тесные личные контакты со Сталиным, движимый стремлением сдержать «имперские» устремления Кремля. Однако его попытки оказались безуспешными [20].

Признавая в целом, что комплекс характеристик, необходимых истинному лидеру и главе государства, безусловно, присущ Сталину, сторонники этого образа, однако, с осуждением оценивали сталинскую тенденцию к единоличному решению проблем, связанных с европейскими союзниками Германии. С приближением окончания войны всё более ожесточённой критике подвергалась «территориальная экспансия» Сталина.

Следовательно, по мере ослабления антигитлеровской коалиции на протяжении последнего года борьбы с Германией наблюдались два полярных процесса: с одной стороны, как отмечает Уолтер Ла Фебер, профессор Корнельского университета и член редколлегии ряда академических изданий США, это повышение мощи и влияния Сталина [21], с другой – постепенное выцветание образа «дяди Джо»; нет никакого сомнения, что обе тенденции были тесно взаимосвязаны.

Указанный образ Сталина тем не менее отличался взвешенностью и стабильностью оценки. Сдержанность в отношении Сталина, очевидно, была связана с рядом факторов. Так, признавая идеологическую несовместимость союзника, многие американцы допускали возможность возникновения трудностей при решении послевоенных проблем, однако считали, что их преодоление в принципе возможно.

Кроме того, в Сталине, какими бы мотивами и аргументами ни была обставлена его внешняя политика, американцы отмечали определённую константность. Например, Гарри Трумэн после вступления на должность президента США отмечал, что он предпочитал иметь дело со Сталиным, отдавая должное его честности и умению держать слово («хотя и чертовски хитёр»), в отличие от его «механических тигров» [22] – «потенциальных преемников, которые отличались недостатком в искренности» [23].

«Я задаю себе вопрос, – писал Трумэн, – что случится с Россией и Европой, если «дядя Джо» покончит счёты с жизнью... Мне интересно также знать, существует ли человек, наделённый необходимой силой и чувством перспективы для того, чтобы занять место Сталина и сохранить мир и национальное единство внутри страны» [24].

Твёрдость слова Сталина подчёркивалась и Дж. Кеннаном [25].

Восприятие Сталина, облечённое в обтекаемую форму, имеющую двоякий смысл, отличалось осторожностью оценок, определяющейся переходным периодом истории и либеральностью взглядов создателей этой модели.

Базируясь в оценке Сталина на двух взаимосвязанных аспектах – силе оружия и активной международной политике СССР, постепенно американская пресса стала наполняться новым содержанием. Как пишет американский исследователь Р. Стилл, начиная с 1944 г., в газетах стали появляться домыслы о предстоящем конфликте со Сталиным в Европе, подогреваемые высказываниями деятелей администрации на закрытых брифингах для американской прессы [26]. Эта тенденция проявила себя в формировании и параллельном развитии иного образа советского лидера.

В соответствии со вторым образом Сталин выступал как национальный палач, злой гений славян, беспринципный поглотитель независимости и демократии; человек, покончивший со свободой в своей стране и нацеленный на ликвидацию гражданских свобод в соседних странах. Здесь не приходится говорить о новизне образа; речь идёт по большей части о расширении рядов сторонников этой модели, прежде всего за счёт «возвращения» довоенных критиков Сталина (включая отдельных представителей либеральной общественности) к изначальной оценке.

Сталин показал себя диктатором ещё до войны. Однако этот термин в отношении Сталина использовался главным образом применительно к его внутренней политике. Вторая мировая война, в соответствии с логикой консервативных кругов США, обеспечила ему ещё большую свободу рук в отношении соседних стран, а «эйфория победы» сделала его «менее стойким перед лицом империалистических искушений» [27]. Над сторонниками этой модели довлел образ коварного и беспринципного поглотителя народов. Проблема восточноевропейских стран реанимировала «диктаторскую концепцию», которая отныне приобретала внешнеполитические аргументы. «Диктатор» – это определение русского лидера приобретает значительное распространение на завершающем этапе войны.

Антисталинские настроения в США были различными и по форме, и по содержанию. Здесь можно выделить две тенденции в оценке Сталина: во-первых, это апелляция к предвоенной внешней политике СССР, а во-вторых, подчеркивание тоталитарного характера советского лидера. Безусловно, эти тенденции находились в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, одна логично вытекала из другой.

Развивал тему деспотических характеристик и известный публицист У.Х. Чемберлен, который предупреждал, что тоталитарные системы не демонтируют себя сами. Вся политическая деятельность Сталина, писал Чемберлен, «была посвящена тщательному уничтожению тех

ограниченных элементов демократии и свободы самовыражения личности, которые существовали в Коммунистической партии в первые годы советского режима». Свобода никогда не будет ассоциироваться со Сталиным [28].

Пространные и совсем не дипломатические высказывания по адресу Сталина допускал У. Буллит, называя маршала «восточным бандитом», цель которого – послевоенная экспансия; человеком, «у которого, когда он получает что-либо даром, возникает лишь одна мысль: что за болван его партнёр!», напоминая при этом, что Россия всё ещё представляет собой тоталитарную диктатуру [29].

Оценивая состояние общественного мнения американцев в конце войны, Джеймс Уильям Фулбрайт с горечью отмечал: «стало «самоочевидной истиной», что если президент пребывает в Вашингтоне, а папа в Риме, то дьявол неизменно пребывает в Москве» [30]. Безусловно, подобные мнения имели место, однако эти заявления присутствовали, главным образом, у консервативной части общества.

Анализируя оценки американских государственных деятелей о главе советского государства на завершающем этапе войны, можно выделить участвовавшие аналогии между Германией и Россией, личностью Сталина и нацистским тираном. На это обстоятельство обратил внимание американский исследователь Р. Барнет, который, характеризуя консервативных авторов, писал, что «...изучая лицо Сталина, они видели Гитлера. Они недооценили одного диктатора, игнорируя «Майн Кампф». Чтобы избежать этой же ошибки, они изучали Маркса и Ленина» [31].

Не только личные качества и ход военных действий вызывали нарекания в адрес Сталина со стороны американцев; даже совместная дипломатическая деятельность глав большой тройки, с точки зрения консерваторов США, не была безупречной, что в первую очередь связывалось с властным патернализмом Сталина.

Например, итоги Крымской конференции не были восприняты однозначно. Достаточно жёсткую оценку «отцу народов» в рамках данной встречи дал министр военно-морского флота Джеймс В. Форрестол: «Я обнаружил, что если кто-нибудь из американцев предлагает, чтобы действовали в соответствии с требованиями, предъявляемыми нашей безопасностью, то его тут же называют проклятым фашистом или империалистом... Когда же Сталин говорит, что ему необходимы Балтийские провинции, половина Польши, вся Бессарабия и доступ к Средиземному морю, все соглашаются с тем, что он отличный, откровенный, искренний и очаровательный человек, так как он открыто заявляет о своих требованиях» [32].

Ричард Кольер, бывший контрразведчик, американский корреспондент, назвал Вторую мировую войну «войной, которую выиграл Сталин». В своей работе, основанной на собственных наблюдениях, автор

так же, как и Форрестол, указывает, что Сталин «всячески стремился диктовать ход войны» [33]. Следовательно, виновными за события последних лет войны и начало конфронтации Кольер считает политическую близорукость Рузвельта и внешнеполитическую агрессию Сталина.

Профессор Принстонского университета, сотрудник посольства США в СССР в 1944-1945 гг. Роберт Такер, следующим образом определил внешнеполитическую составляющую характеристики вождя: «Как крайне правый большевик, Сталин сочетал агрессивный великорусский национализм и всё авторитарное и насильственное из наследия революции и гражданской войны» [34].

В определённой степени чёрно-белое, «гравюрное» изображение характерно и для оценок Дж. Кеннана, который, наоборот, проецирует политику Сталина на кремлёвский курс. «Кремль имеет конкретную задачу стать самой господствующей державой в Восточной и Центральной Европе. В то же самое время, помня о своих прошлых обязательствах перед мировым общественным мнением, он связывает себя со смутной программой, которую западные государственные деятели, столь любящие изящные термины, привлекательные для избирателя, называют сотрудничеством». Проблема, продолжал Кеннан, состоит в том, что «первая из этих программ означает захватывать. Вторая означает отдавать. Никто не может помешать России захватывать, если она полна решимости упорствовать в этом. Никто не заставит Россию отдавать, если она полна решимости упорствовать в этом» [35].

Подобная критика Сталина в США на завершающем этапе войны была естественна. Сталин являлся для американских консерваторов олицетворением агрессивного внешнеполитического настроения, неприемлемого режима, чужеродной идеологии. Слишком серьёзные разногласия идеологического и геополитического характера разделяли лидеров США и СССР, а логика завершения Второй мировой войны диктовала обострение субъективных оценок. По этому поводу очень справедливое замечание сделал У. Таубман: «Мы привыкли думать, что советские и американские лидеры рассматривали друг друга как порождение дьявола. Фактически каждая сторона видела в противоположной своё зеркальное отражение» [36].

Эволюция образа И.В. Сталина, как показывает анализ основных его вариантов, происходила вследствие не только объективных факторов, вызванных изменением соотношения сил в Европе и в мире и предощущением «холодной войны», но и под влиянием субъективных обстоятельств, обусловленных личностными характеристиками и Сталина, и авторов, которые писали о нём. Живучесть этих стереотипов, однако, чрезвычайно сильна – американская историография вплоть до настоящего времени во многом сохранила приверженность тем образам, которые были

сформированы в восприятии Сталина в конце войны. Параллельное существование двух образов советского лидера, тиражированных в США в 1944-1945 гг., стало важным компонентом общественного сознания американцев в период завершения Второй мировой войны.

Примечания

1. Snow E. Strong Men Around Stalin // Soviet Union News. Vol. IV. № 6. June 1946. P. 191.
2. Gaddis J. L. We Now Know: Rethinking Cold War History . Gaddis. Oxford, 1997. P. 20.
3. Ryavec K .W. United States – Soviet Relations. N.Y.-L., 1989. P. 48.
4. Henderson L.W. A Question of Trust. The Origins of U.S. -Soviet Diplomatic Relations . Stanford, 1986. p. 421; Davies J. E. What We Didn't Know About Russia // American Views of Soviet Russia, 1917-1965. Homewood, 1968. P. 144-145. Справедливости ради следует отметить, что Ч. Болен называл подобный взгляд Дэвиса на Сталина «сентиментальным»: Bohlen Ch. E. Witness to History, 1929- 1969. N.Y. 1973. P. 216.
5. Александер Ч. С. «Дядя Джо»: образы Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции // Американский ежегодник. 1989. С. 40.
6. См. например: McCabe J. The Life of Joseph Stalin – The Rebel and the Statesman. Girard, 1944.
7. Eisenhower D. Eisenhower: At War 1943-1945. N.Y., 1986. P. 620.
8. Harriman W. A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. N.Y. 1975. P. 535-536.
9. Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает // Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. Де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 396.
10. Stettinius E. R. The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr.: 1943–1946. N.Y., 1975. P. 263.
11. Rosenman S. Presidential Style. Some Giants and a Pigmy in the White House . N.Y., 1976. P. 451
12. Willkie W. Don't Stir Distrust of Russia // New York Times Magazine. 1944. January 1. P. 3-4.
13. Энциклопедия советско-американских отношений XVIII-XX века. М., 2001. С. 461
14. Hassett, W.D. Off the Record with FDR, 1942-1945. New Brunswick, 1958. p. 225.
15. Bennett E. Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations 1939-1945. Wilmington, 1990. P. XXII.
16. Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 371; Жуков Ю.А. СССР – США: дорога длиною в 70 лет. М., 1988. С. 57.

17. De Santis H. *The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933-1947.* Chicago, 1980. P.132; Franklin D. Roosevelt. *His Life and Time: An Encyclopedic View.* Boston, 1985. P 399.
18. Bishop J. *FDR's Last Year: April 1944–April 1945.* N.Y., 1974. P. 286.
19. Roosevelt J. *My Parents. A Differencing View.* Chicago, 1976. P. 176.
20. Dallek R. *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932 – 1945.* N.Y., 1979. P. 532.
21. La Feber W. *The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad since 1750.* N.Y.-L., 1989. P. 401.
22. Acheson D. *Sketches From Life of Men I Have Know.* N.Y., 1960. P. 86.
23. Gaddis, J. L. *The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War.* Oxford, 1987. p. 31. Mark E. *American Policy Toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941-1945: An Alternative Interpretation // Journal of American History.* 1981. September. Vol. 68. № 2. P. 322.
24. Mark E. *Op. cit.* P. 319.
25. Kennan G. F. *Excerpts from a Draft Letter Written at Some Time During the First Months of 1945 // Slavic Review.* Vol. XXVII. 1968. September. № 3. P. 481.
26. Steel R. *Walter Lippmann and the American Century.* Boston. 1980. p. 359.
27. Mastny V. *The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years.* N.Y., 1996. P. 23.
28. Pope A. U., Chamberlin W.H. *Can Stalin's Russia Go Democratic? // American Mercury.* 1944. February. P. 147-148.
29. *For the President: Personal and Secret: Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt.* Boston, 1972. p. 573-580; 591-599; Lifka Th. E. *The Concept "Totalitarianism" and American Foreign Policy, 1933-1949.* Vol. 2. N.Y.-L., 1988. P. 267.
30. Фулбрайт Дж. У. *Старые мифы и новая действительность // Американцы размышляют. Американцы критикуют. Проблемы внешней политики США.* М., 1967. С. 25.
31. Barnet R. J. *The Giants: Russia and America.* N.Y., 1977. P. 66.
32. Forrestal J. *The Forrestal Diaries.* N.Y., 1951. P. 14.
33. Collier R. *The War That Stalin Won.* L., 1983. P. 12
34. Такер Р.К. И. В. *Сталин // Политические портреты / Под ред. Г. Н. Севостьянова.* М., 1993. С. 12.
35. Kennan G. F. *Memoirs. 1925-1950.* Boston. 1967. P. 522. Данный образ мышления советских руководителей Кеннан объясняет уверенностью враждебных, непримиримых сил умирающего капитализма. Кеннан Дж. Ф. *Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеология.* 1989. № 2. С. 44.
36. Taubman W. *Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War.* N.Y., 1982. P.9.